

Религиозный аспект радостей жизни

К Суккот больше, чем к любому другому празднику Торы, подходит название "хаг" - буквально "праздник, веселье, радость". И веселье это связано, прежде всего, с сельскохозяйственным аспектом Суккот - завершением годового цикла работ и сбором урожая. Собрав плоды своей земли, земледelec радуется, и это веселье является заповедью праздника: "В праздник Суккот, при сборе урожая, веселись и ты, и сын твой, и дочь твоя, и раб, и Левит, и пришелец..." (Второзаконие 16: 14). В древности, как рассказывается в Талмуде, в Иерусалимском Храме в дни Суккот устраивали бурное веселье; да и сегодня Сукот наиболее веселый из праздников Торы.

Но является ли с религиозной точки зрения Торы чисто материальный аспект празднования - радость сбора урожая - духовно значимым явлением? Или, может быть, это уступка человеческой слабости - ведь нельзя же, в самом деле, не позволить земледельцу, собравшему урожай, выпить и отпраздновать; вот, может быть, Тора и придала этой человеческой слабости дополнительные национально-религиозные аспекты, чтобы ввести в духовные рамки бытовое веселье?

Если изучать смысл праздника Суккот по классической еврейской учебной литературе от начала эпохи средневековья и вплоть до 19 века, то у читателя вполне может сложиться впечатление, что речь идет именно об уступке. Однако при более глубоком размышлении, отмеченный выше крен в сторону "духовных аспектов праздника" в ущерб его простой материальной сущности представляется, пожалуй, несколько искусственным. Более того, можно предположить, что эта попытка делалась потому, что все авторы классической учебной литературы сами никогда не были земледельцами в своей стране и посему не могли проникнуться духом сельскохозяйственного характера Суккот в Эрец Исраэль.

Наша галутная жизнь действительно состояла словно из одного духа; материальное зачастую воспринималось если и не как начало враждебное, то, по меньшей мере, как пустое и бессознательное. Однако Тора предполагает реализацию не в галуте, а во вполне материальной жизни в Эрец-Исраэль. И потому вместе с возвращением физическим нам необходимо избавиться от "невосприимчивости к духовным аспектам материального". Попытаемся по возможности исправить этот крен,

а для этого нам понадобится осознать радость получения удовольствий от жизни как позитивную религиозную ценность.

В иудаизме (и особенно в каббале) неоднократно подчеркивается, что Б-жественное качество - это "давать", а не "получать", и потому в качестве важнейшего императива выдвигается именно первая помощь ближнему, забота о бедных, благотворительность, вообще - стремление "дать" окружающим. "Возлюби ближнего своего как самого себя" (Левит 19:18) - вот главный принцип Торы - возвещает нам в Талмуде р. Акива.

Однако как только мы задумаемся о практическом применении этой заповеди и посмотрим вокруг себя в стремлении осмыслить, как именно она реализуется в действительности, мы увидим любопытный феномен. Дело в том, что человек не может по-настоящему "давать" другим, если сам он не способен ощутить удовольствие от "получения". Для того, чтобы человек действительно мог дать ближнему возможность получить наслаждение от жизни, мы должны сами, на собственном опыте, это наслаждение испытать. Но тот, кто избегает жизненных наслаждений, не понимает их ценности и смысла и сам не сможет быть полезен в этом отношении. Ведь то, что мы не ценим для себя, мы не ценим и для других, таким образом, получение в жизни широкого спектра разрешенных наслаждений является весьма важной религиозной ценностью.

Когда Б-г поместил Адама в райский Сад, Он сказал ему: "От всех деревьев Сада тебе следует есть" (Быт. 2: 16). Понятно, что от запрещенного (Дерева Познания) есть нельзя, - но от всего дозволенного тебе следует попробовать. Мидраш прибавляет, что когда после

смерти человек предстает на суд Б-жий, то помимо прочего спрашивает его Вс-вышний: "Я создал столько замечательных вещей в мире - пробовал ли ты их?" И если скажет человек: "Я ограничивал себя и брал от жизни самую малость", - то воскликнет ему в ответ Вс-вышний: "Как же так?! Я столь многим одарил тебя, а ты Моими дарами пренебрег?!"

Разумеется, иудаизм не считает жизненные удовольствия самоцелью. Они всего лишь средство - средство для обретения полноты жизненных сил, чтобы, опираясь на них, исправлять себя и окружающий мир, постигать Б-жественное Учение и творить добро ближнему. Очевидно, что если это средство вдруг становится самоцелью, если человек забочен только тем, чтобы срывать цветы удовольствия, то это приводит к разврату, развалу и разрушению жизни. Но, с другой стороны, если этого средства нет вообще, то картина окажется никак не краше, ибо чревата будет импотенцией (в широком смысле слова), неспособностью человека осуществить мало-мальски значительное деяние.

Подход иудаизма к построению правильных взаимоотношений человека с его ближним основан совсем не на альтруизме (т.е. отказе от получения для себя), а скорее на "облагороженном эгоизме": я так полно ощущаю радость бытия, что хочу поделиться этим с моими ближними - прежде всего с самыми близкими, а потом, постепенно, и с более дальними.

Суть правильной жизни не в ограничении удовольствий, а в осмыслении цели, во имя которой следует их получать. Если получать их для того, чтобы иметь возможность поделиться с ближним, то у человека появляется дополнительная возможность получать удовольствия еще и от "давания". И, во-первых, это удовольствие, будет выше, богаче, и интенсивнее прежнего. И, во-вторых, при подобной установке даже просто "получать" можно гораздо больше, чем при получении только для себя.

Иными словами, правильное получение от жизни удовольствия, в том числе сугубо материального свойства, отнюдь не порицается религией (как это представляется некоторым), но, напротив, поощряется ею и является необходимой ее частью. А поэтому - весело вам праздника и побольше радостей от жизни!

Уважаемый Дмитрий Григорьевич!

От имени администрации города Петрозаводска выражаю Вам искреннюю благодарность за большой личный вклад в сохранение исторической памяти еврейского народа, в формирование нравственных устоев общества, содействие укреплению межконфессионального мира и согласия на территории города Петрозаводска.

Желаю Вам здоровья, счастья, благополучия и всего самого доброго!

В.Н. Масляков,

Глава самоуправления города
Июль 2006 года

МОСКОВСКИЙ

ПАТРИАРХАТ

МАНУИЛА
АРХИЕПИСКОП ПЕТРОЗАВОДСКИЙ И КАРЕЛЬСКИЙ

Преподостоло еврейской общины г. Петрозаводска
Цвибел Д. Г.

Уважаемый Дмитрий Григорьевич!

Сердечно поздравляю Вас с 10-летием со дня образования в Петрозаводске еврейской религиозной общины. Это знаменательное событие стало возможным благодаря великому дару - Свитка Торы, который лютеранская община Дитрих-Бонхоффер Тюбингена добровольно преподнесла еврейской общине Петрозаводска. Скрепленное годами сотрудничество двух религиозных общин - евангелической и еврейской являет современному обществу пример взаимоотношений, построенных на терпимости и уважении. В наш трагический век, переполненный ненавистью, такое отношение не может не оставить свой добрый след в жизни нашего общества.

АРХИЕПИСКОП ПЕТРОЗАВОДСКИЙ И КАРЕЛЬСКИЙ

г. Петрозаводск,
24 июля 2006 г.

Уважаемый Дмитрий Григорьевич!

Сердечно поздравляю Вас с 10-летием со дня образования в Петрозаводске еврейской религиозной общины. Это знаменательное событие стало возможным благодаря великому дару - Свитка Торы, который лютеранская община Дитрих-Бонхоффер Тюбингена добровольно преподнесла еврейской общине Петрозаводска. Скрепленное годами сотрудничество двух религиозных общин - евангелической и еврейской являет современному обществу пример взаимоотношений, построенных на терпимости и уважении. В наш трагический век, переполненный ненавистью, такое отношение не может не оставить свой добрый след в жизни нашего общества.

Мануил,

Архиепископ петрозаводский и карельский
г. Петрозаводск,
24 июля 2006 г.

К десятилетию религиозной общины

Бригитте Русс-Шерер
Обер-бургомистру г. Тюбингена

Глубокоуважаемая г-жа Русс-Шерер

Позвольте мне от имени евреев Петрозаводска, которых я имею честь представлять, и от себя лично выразить Вам глубокою благодарность и признательность за Ваше участие в праздновании десятилетия нашей общины.

Это закономерно, что Вы, глава города, подарившего евреям некогда далекого от вас Петрозаводска Свиток Торы - самое священное, что может быть у еврея, кроме самой жизни (хотя по еврейскому мировосприятию Тора - это и есть жизнь), разделяете нашу радость. Великий немецкий поэт Генрих Гейне назвал Тору "портативной родиной евреев", и где бы ни находился еврей, волею Вс-вышнего, да будет Имя Его благословенно, удаленный от родины, он чувствует себя связанным с ней, благодаря именно Торе. Свиток Торы - это не просто великая Книга: это свидетельство Завета, заключенного Вс-вышним с нашим народом, Завета, который не может быть расторгнут, который гарантирует жизнь еврейскому народу и возвращение после великих испытаний и очищения в землю обетованную.

Антуан де-Сент Экзюпери устами своего героя сказал, что "мы ответственны за того, кого приручили". Дарование жителями вашего города Свитка Торы нашей общине наложило огромную ответственность на обе стороны, как Вы отметили в своем приветственном адресе, деликатно упомянув только о своей ответственности. Но это - благословенная ответственность, ответственность, которая нас породила. Теперь мы не просто города-побратимы, мы стали, в каком-то смысле, родственниками. Для нас действительно началась новая жизнь, открылись новые возможности и теперь от нас самих зависит, как этим распорядиться.

Чем больше времени проходит с того памятного дня, когда состоялась встреча Данкварта-Пауля Целлера, бывшего немецкого солдата, некогда воевавшего против моей страны, со мной, русским евреем, родившемся в год окончания той проклятой войны, на которой был заложен краеугольный камень всего здания наших отношений, тем больше я утверждаюсь в своем убеждении, что это - замысел Вс-вышнего. Симптоматично, что встреча состоялась на квартире Вадима Мизко, бывшего малолетнего узника фашистского режима, режима, провозгласившего одной из своих целей уничтожение моего народа.

Как пишете Вы, мир - это хрупкое достояние. Да, на протяжении всей истории человечества едва ли найдется период, когда на земле, в той или иной форме, не было войн. Тем большая ответственность ложится на нас, начавших новую эпоху отношений между Германией и Россией, Тюбингеном и Петрозаводском, немцами и евреями, христианами и иудеями. И мы в состоянии тот нежный саженец, посаженный нами, взлелеять и вырастить в крепкое дерево с глубокими корнями и сладкими плодами. Пришедшие после нас, будут нам благодарны, и это, в свою очередь, наложит ответственность за сохранение мира на них. Причем мира, построенного не на "равновесии сил" и страхе друг перед другом, а за мир, построенный на мире в душах людей. Я уже как-то говорил, что человек, посмотревший в глаза другому человеку и ощутивший его тепло, никогда не будет смотреть на него через прищел автомата. Как мне кажется, именно в этом - залог настоящего мира, и именно такие отношения складываются между нами.

Вы, уважаемая г-жа Русс-Шерер, совершили благородный, глубоко символичный акт, внося свой вклад в фонд строительства синагоги. Этим Вы подтверждаете, что между нами нет преград ни национальных, ни религиозных. Этим Вы подаете пример тем, что еще не осознал, что мир - един. Что различие в цвете кожи или разрезе глаз, молитвах или обычаях, пристрастиях или политических убеждениях - все это единое величественное панно, созданное Вс-вышним, где каждому народу, каждому отдельному человеку (а каждый человек - это целый мир) есть свое место, свое предназначение.

На фотографии, которая хранится в нашей общине, Вы зажигаете менору - еврейский символ вечного огня во славу Вс-вышнего. Огонь амбивалентен - он может служить во благо, может нести разрушение и смерть. Огонь, который зажегся в наших сердцах, служит гарантом взаимопонимания и процветания на благо наших народов, это наш вклад в улучшение мира на благо всего человечества.

Мы ждем новых встреч с Вами.

Дмитрий Цвибелъ

С глубоким почтением

председатель общины

31 августа 2006 года
Петрозаводск

Дом Яакова

Буря, сотрясающая основы еврейского мира, вызванная вопросом о том, кто является евреем, не затрагивает существа проблемы: можно ли дать исчерпывающую формулировку понятию "еврей", не нуждающуюся в дополнительных определениях? Между тем в ответе на этот вопрос - определение не только принадлежности к еврейству, но и самого смысла существования народа Израиля.

Для многих не очевидно наличие у еврейства собственной внутренней сущности, не поддающейся под стереотипы, созданные его многочисленными врагами. Точное определение даст возможность людям, ощущающим свою принадлежность к нашему народу, избавиться от сомнений при самоидентификации, обрести перспективу - и при этом не столь важно, будет ли такая дефиниция носить национальный, религиозный или биологический характер. Важно, чтобы она раскрывала суть проблемы, - а значит, определяла рамки еврейского бытия.

В течение многих поколений принадлежность к еврейству связывалась с определенным образом жизни и мировоззрением: евреем назывался человек, избравший тот способ существования, который диктовал ему иудаизм - так что вопрос, о котором мы говорим, тогда попросту не существовал. Хотя согласно еврейскому закону отошедший от иудаизма остается евреем, было совершенно очевидно, что он тем самым пренебрегает своим еврейством и, стало быть, перестал быть "настоящим" евреем - независимо от того, сменяли ли этот человек вероисповедание. Поэтому на протяжении почти всей нашей истории еврейство оставалось монолитной группой, единство взглядов и чувств которой определяло религиозную общность.

В двенадцатом веке, с началом эмансипации, ситуация стала меняться. Все большее число сынов Израиля отходили от иудаизма, не переставая, однако, считать себя при этом евреями, и сегодня именно они составляют большинство в нашем народе. В чем же состоит еврейство этих людей? С точки зрения ретропективной, исторической все они - либо вовсе не евреи, либо если и евреи, то неполноценные. Хотя Закон рассматривает последних как "согрешивших Израиль", остающихся все же Израилем, - в свете многовекового понимания термина "еврейство" они не являются таковыми.

Это относится не только к тем, кто считал себя нерелигиозными, но и к некоторым идеологическим течениям - в первую очередь, конечно, к реформистам и большинству консерваторов, отрицающих традиционный еврейский образ жизни. Что касается их, то дело здесь не в различном понимании еврейского законодательства, а в отрицании ими абсолютного авторитета Тора. Многие века споры между различными течениями в иудаизме лишь способствовали объединению народа. Когда спорящие стороны основывают свои выводы на одних и тех же первоисточниках, одинаково авторитетных для них, то даже в случае разногласий по поводу толкований Писания или смысла сказанного в книге "Зоһар" всегда имеется общий базис, как бы далеко ни разошлись их выводы. Сегодня же для ортодоксов с одной стороны и реформистов с консерваторами с другой этот базис не существует.

Таким образом, в историческом понимании термина "еврейство" евреями являются только те, кто принадлежит к ортодоксальному направлению в иудаизме. Возникает очень странная ситуация, при которой лишь меньшинство в народе может по праву называться. Именно поэтому вопрос о том, существует ли универсальное определение еврейства, которое было бы корректным по отношению к большинству народа Израиля в нашу эпоху, обретает особую остроту.

Теоретически нетрудно выделить некие характерные черты или абстрактные идеи, которые составят суть формулы, устрояющей максимальное число людей. Однако сомнительно, будет ли она справедлива вне связи с еврейской историей. Тем не менее, пропущая, существующая между ситуацией, имевшей место в прошлом, и сегодняшней, как бы заведомо исключает возможность дать определение, основанное на исторических критериях.

В жизни народа Израиля история занимает совершенно особое место. Все остальные народы объединяет общее происхождение, страна проживания, язык, культура. Евреи сегодня рассеяны по всему миру, их древний язык является разговорным только для израильтян, с отходом от религии распадается и культурная общность, поскольку в основе еврейской культуры лежит иудаизм. Существует, конечно же, ивритская культура и, быть может, культура светского еврейства, но она не адресована всему народу - даже самые первоклассные произведения, составляющие ее, удовлетворяют лишь потребности израильтян и тех, для кого иврит является родным языком. С этнической же точки зрения трудно утверждать, что существует такой единый этнос как евреи. Потеряли неудачно и попытки юдофобов отыскать объединяющие всех иудеев этнические черты. Географическая разобщенность, с одной стороны, и принятие в свою среду прозелитов - с другой, за долгие века размыли эти черты. Даже не зная точно, сколь велика среди евреев доля принявших иудаизм и их потомков, можно констатировать, что сам факт растворения их в еврейской среде лишает силы концепцию этнической общности евреев.

Таким образом, нам остается признать следующее: единственное, что нас объединяет, - это история. История еврейского народа и есть его родина.

Следует подчеркнуть, что эта дефиниция отвечает требованиям, которые мы предъявляли к искомой формуле, верной для всего дома Израиля, - тогда как конфессиональная дефиниция носит в значительной мере внесторонний характер. Поскольку, согласно раби Сааде-гаону, "наша нация только благодаря Торе своей является нацией", а сама по себе Тора не может рассматриваться как культурно-историческое явление, - всякий, кто придерживается ее, - еврей, и ни его прошлым, ни предшествующая история не имеют формирующего отношения к его еврейству. Другими словами, вне религиозно-определения еврейства единственно возможная дефиниция - историческая.

Дать осмысленное определение тому, что такое еврей в наши дни, означает найти менее строгие критерии в сравнении с теми, которые предлагались в рамках ортодоксального мировоззрения.

Не выдерживают критики большинство предлагаемых в Израиле определений, связывающих еврейство с существованием еврейского государства, а также попытки воспользоваться для этого расхожим выражением "светоч народов", которое несет столь общий характер, что вообще теряет какой бы то ни было смысл.

Чем более универсальный характер приобретает формула, расширяя свои рамки для все большего числа людей, тем меньше остается в ней еврейской специфики. Нечто подобное мы находим в Тал-

муде при рассказе о попытках сформулировать суть Торы. Как известно, она содержит шестнадцать заповедей. Однако уже Давид выделил из них одиннадцать основополагающих. Иешууа сократил это число до шести, а Миша - до трех. Наконец, Хавакук свел всю сущность Торы к одной фразе: "...Праведник верой своей жив будет" (2:4). В этом же плане можно рассмотреть слова Илея, определившего суть Учения так: "Не делай ближнему твоему, чего ты не желаешь себе". Еще более радикален раби Акива, который свел Тору к формуле "Люби ближнего как самого себя". Наконец, по Бен-Азаю, Тора сводится к принципу "По образу [Своему] Б-г создал человека".

Те, кто пытается воспользоваться плодами их поисков для создания новых этических псевдоиудейских учений, попадают в ловушку - ведь подобный подход всегда был чреват серьезной проблемой: несмотря на то, что все перечисленные выше мудрецы, искавшие универсальную формулировку, не пытались, конечно же, умялить значение каждой из заповедей, те, кто делает сегодня их высказывания своими лозунгами, приводят именно к этому. Находки наших учителей превосходят, они вполне могут служить эпиграфом к иудаизму в любую историческую эпоху - однако именно в этом состоит и их слабость сегодня: начертанные на знаменах идеологических движений, они теряют еврейскую специфику. Вот почему различные течения в еврействе, которые пытались принять их за основу, неизменно либо возвращались к иудаизму во всей его полноте, либо были вынуждены разработать собственную систему этических норм, имеющую к нему весьма отдаленное отношение.

Главный недостаток подобного "христианства без креста", как метко именуют подобные попытки, состоит не столько в приближении к этой мере требовательности религии, сколько в выхолащивании из новых учений специфики еврейского содержания. Большинство предлагаемых ныне определений еврейства настолько общи, что ничего национального в себе не содержат; тем более (а может быть, именно поэтому) они неспособны служить "светочем для гоетв". Все эти клише последнего времени типа "превратить пустыню в цветущий сад", "построить общество социальной справедливости" и "освобождение народов", даже если их объединить единой формулой, все равно недостаточны, чтобы образовать нечто сугубо еврейское.

Такова с давних времен судьба всех подобных попыток. Замена всех заповедей на одну лишь "люби ближнего", несомненно, придает ей некую пикантность, но в отрыве от всех прочих она становится настолько размытой, что теряет всякий смысл.

Если судить только по результатам, к которым приводят подобные "общие" определения сути еврейства, можно подумать, что оно вообще не имеет уникального характера. На самом же деле оно уводит в сторону от еврейского содержания, которое представляется тем, кто предлагает эти формулы как основу своей идеологии, чем-то ограниченным и даже пугающим. И поскольку весь смысл их поисков сводится к тому, чтобы избежать всяких национальных особенностей в определении, последние в принципе не могут содержать в себе какой-либо конкретный смысл.

Вывод из всего сказанного весьма прост, хотя и может кому-то показаться странным: чтобы стать универсальным, определение сути еврейства непременно должно включать в себя однозначное указание на его специфику, то есть на отличие еврея от "человека вообще". Ведь тот, кто, к примеру, определяет еврейство как общность, основанную на исполнении заповедей, уже не добавляет, что речь идет об иудаизме. И это именно то, чего не хватает "обобщающим" определениям: примечания "при условии, что речь идет о евреях". Как бы ни определять еврейство - как некую идею, образ жизни и тому подобное, - формулировка станет верной лишь настолько, насколько при этом будут подчеркнуты специфически еврейские особенности.

Потому принадлежность человека к еврейскому народу определяется иначе, чем принадлежность людей к другим народам (по рождению, вере и другим признакам), - а это означает, что искомая формула должна включать в себя четкую констатацию специфики национальной связи евреев между собой - связи, существовавшей во всех поколениях.

Что именно создает эту специфически еврейскую связь - вопрос непростой. Мы уже отмечали, что евреев нельзя считать народом, руководствуясь общепринятыми критериями. Начиная с разрушения Второго Храма, а возможно, и раньше, большинство евреев не живут в одной стране, не имеют общей государственности. Даже еврейская история Эрец-Израэль при всей ее национальной значимости - всего лишь история небольшой группы евреев на Святой земле. И все же внутренняя связь между ними и их соотечественниками не прекращалась никогда, и природа этой связи загадочна. И хотя еще Аман говорил: "...Есть один народ, рассеянный среди народов и обособленный, и законы у него иные, чем у всех народов..." (Книга Эстер, 3:8), - ни он, ни кто бы то ни был другой, не понимал сущности этого народа.

Определение особой связи между евреями как конфессиональной и светского еврейства как религиозной общности явно недостаточно. Да, иудаизм - религия сынов еврейского народа, однако не каждый из них исповедует ее, а посему определение еврейства только в религиозных терминах никак не разъясняет его специфику.

Существует, однако, такое понятие этой специфической связи, которое справедливо по отношению ко всей еврейской истории и остается таковым и по сей день. Оно было выработано самими евреями задолго до всех попыток "минимизировать" суть Торы. Согласно ему народ Израиля - не народ в обычном смысле этого слова, а некая группа людей, связанных родством, - семья.

"Бейт-Яаков", "Бейт-Израэль" ("Дом Яакова", "Дом Израиля") - распространенные самоназвания нашего народа, и все они утверждают наличие этой связи между нами, существующей изначально и пронизывающей всю нашу жизнь: нестремимое ощущение родства.

Принадлежность человека к еврейству определяется не только генетическими, культурными или эмоциональными факторами, как у других народов. Она не определяется и местом рождения. Членство в семье не добровольно, ее не выбирают. Человек может не симпатизировать другим ее членам, даже действовать во вред им - но одного он не волен сделать: разорвать свою сущностную связь с ними, избавиться от ощущения принадлежности к ним.

Это, кстати, разъясняет, почему Израиль, несмотря на все грехи, тем не менее, остается Израилем, - ведь принадлежность к "Бейт-Израэль" просто не может быть отменена. В сущности, иудаизм не может быть определен как религия в обычном понимании - то есть

как набор универсальных истин, несущих человечеству "благу весть". Это не означает, конечно, что иудаизм не обладает универсальными ценностями, однако по сути своей он является все же не более чем способом жизни "Бейт-Израэль", своего рода кодексом поведения семьи Яакова, и только ее. Иудаизм не является религией, которая досталась евреям случайно, - он был предназначен для них. Из этого понятно, почему еврейя всегда было чуждо миссионерство, в чем нет ничего от высокомерия или сепаратизма; это - жизненная позиция, выработанная в семье, живущей по своим законам и обычаям. Прозелитизм подобен вхождению после замужества молодой жены в дом супруга. Соответственно этому и отношение евреев к принявшим иудаизм сродни отношению семьи к присоединившимся к ней чужакам: любовь к ним сочетается на первых порах с понятной настороженностью.

Определение связи, объединяющей народ Израиля, как семейной, а не национальной, принципиально: семейные узы отличаются от всех других видов связи между людьми, кроме всего прочего, своей эмоциональностью. Ощущение родственности - первое и, пожалуй, самое фундаментальное из человеческих чувств. Оно древнее не только национальной, но и племенной связи. Семейные узы примитивны и, в сущности, иррациональны, ибо основаны не на идеологии, а на неуловимом и экзистенциальном ощущении общей принадлежности. И поскольку последняя изначально и нерациональна, она не может быть отменена по воле самого человека.

Тот факт, что евреи чувствуют свою привязанность к своему еврейству именно как неустрашимую принадлежность к некой семье, подтверждает осмысление, которое испытывает всякий еврей, даже атеист, к выросту. Такое же чувство возникает у членов семьи по отношению к тому, кто предаст и покидает ее. Они не воспримут такой уход как свершившийся факт, ибо из семьи по-настоящему выйти нельзя, тем не менее само намерение сделать это вызывает у них отвращение.

Итак, "Бейт-Израэль", "Бейт-Яаков" - это действительно семья, но не в биологическом, а в метафизическом значении этого слова. Это общность, подобная семейной в главной ее особенности: нерасторжимому ощущению принадлежности к ней, которое обладает каждой еврей. В то же время эта общность особая, специфическая. В чем же состоит суть этой семейственности?

Понять это поможет нам осмысление природы прозелитизма, ибо в отличие от того, кому иудаизм достался в наследство, тот, кто проходит гиюр, присоединяется к народу Израиля сознательно, усвоившись или удочеряется семьей, и при этом характер существующих в ней связей становится очевидным. Есть некоторое число законов, отделяющих прозелитов от остальных евреев, однако они являются лишь внутрисемейными перегородками, подобными тем, которые отделяют потомков Авраама-первосвященника от других членов семьи. Возникает вопрос, как тогда и каким образом принявший иудаизм становится частью дома Израиля. В наших священных книгах сказано, что "принявший еврейство подобен только что родившемуся младенцу" и поэтому считается свободным от всех прошлых семейных связей. Став евреем, человек, вне всякой связи со своей расовой и национальной принадлежностью, теряет биологическую связь со своей прежней семьей. Необходимым условием для прохождения гиюра, без которого он не имеет реальной силы, является желание присоединиться к дому Израиля на любых условиях. Семья усвоившая прозелита не благодаря его условному приобщению к ее протцам (хотя он - "сын Авраама, отца нашего", он не считается в том же смысле сыном Яакова), а потому, что он хочет принять на себя ее законы и традиции, предписанные иудаизмом.

Изречение Талмуда "Отец твой - Святой [Творец], благословен Он, мать - община Израиля" - это не аллегория и не отвлеченная теологическая формулировка, но выраженное в поэтической форме определение еврейской семейственности. Народ Израиля - семья, его дети - братья и сестры, сыновья и дочери одного Отца. Но этот Отец - не Авраам, не Мишах, не Яаков, хотя они и являются ее протцами в историко-биологическом плане; не ими создана эта особая еврейская связь. Она порождена отцовством Б-га. Вряд ли можно выразить эту мысль лучше пророка, сказавшего: "Только Ты - Отец наш, ибо Авраам не знает нас и Израэль не признает нас своими; Ты, Господь, - Отец наш; Спаситель наш - от века Имя Твое" (Иешуау, 63:16).

Эти слова - "Ты - Отец наш" - не порождение религиозного экстаза, не теологическое credo, но уверенная констатация чужь ли не биологического факта. Отношение к Б-гу в иудаизме не является умозрительным, как в других религиях. Напротив - это ощущение членов семьи к своему отцу, само по себе достаточное для привязанности к нему, равно как и для единства народа в этой привязанности. "Друг сердечный, Отец милосердный" - так обращаемся мы к Всевышнему. То, что называется "религией Израиля", есть фактически лишь система родственных отношений, семейных традиций.

Помогает ли это понимание определять, в чем состоит в наши дни еврейство человека, который не соблюдает заповеди, иначе относится к Б-гу или вообще отрицает Его существование? Безусловно. Ведь принадлежность к еврейскому народу, как следует из нашего понимания, не зависит от согласия с теми или иными идеологическими принципами, как не зависит она и от наличия каких-либо "объективных признаков" еврейства. Эта принадлежность - семейная, а ощущение принадлежности к семье лежит в совершенно иных пластах души, и оно нестремимо. Сын может не понимать сути своей связи с отцом, более того - может даже отворачивать ее наличие и даже само существование отца. Тем не менее, он остается его сыном.

Многие, возможно, не согласятся с изложенным здесь толкованием их еврейства. И, тем не менее, в их несознанных переживаниях, отдают они себе в том отчет или нет, сохраняется это неизменно ощущение именно родственной связи со всеми другими евреями. И отсюда берет начало основное свойство "чужда" священнослужителей и народа святого": понимание этой миссии, своего долга и высшего предназначения "сыновей Б-га живого", которое проявляется в великом множестве реальных форм, всегда имеющих общее содержание. Отсюда же - ощущение связи с другими евреями, ощущение непонятное, удивительное и вызывающее тревогу во времена кризиса, в пору поисков своего места в мире, в пору, заставляющую еврея почувствовать, что он является сыном своего Отца и его место - рядом с другими Его сыновьями.

Еврейская религиозная
община поздравляет
своего любимого ребе
Ефима Лейбовича Левина
с девяностолетием!

Мы молимся, чтобы Вс-вышний,
да будет Имя Его благословенно,
даровал Вам здоровье,
бодрость, радость.
И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Еврейская община выражает глубокую благодарность за помощь
Фане Цукаревой, Андрею Цвибелю, Алисе, Парисе и Юрию Рыбак.

Наша кухня

Запеканка грибная

Грибы свежие - 500 г или маринованные - две баночки. Две средние луковицы, 4 яйца, 100 г молока, две столовые ложки майонеза, 150 г муки, сода на кончике ножа, соль, перец по вкусу.

Грибы свежие, можно маринованные, обжарить с луком до золотистого цвета. Отбросить на дуршлаг до полного стекания жира.

Тем временем смешать яйца, молоко, майонез, питьевую соду, куриный порошок, белый перец, муку в глубокой посуде венчиком.

В получившуюся массу всыпать ранее приготовленные грибы, размешать, влить в форму для запекания. Запечь при температуре 155 - 160 градусов в течение 40 минут.

Грибной соус к рыбе

Лук-шалот - 2 шт, шампиньоны - 200 г, сливочное масло - 2 стл, белый соус - 1,5 стакана, петрушка, соль, перец - по вкусу.

Очистить лук-шалот, мелко нарубить, шампиньоны нарезать пластинками. Тушить овощи с грибами 2 мин. в сливочном масле. Затем залить их белым соусом, размешать и довести до кипения. Снять соус с огня. Приправить по вкусу мелко нарубленной петрушкой, солью, перцем и сливочным маслом.

Грибной соус с огурцами и помидорами

Грибы (отваренные) - 250-300 г, репчатый лук - 1 шт, помидоры - 1-2 шт, соленый огурец (небольшой) - 1 шт, сметана - 200 г, яйцо (сваренное) - 1 шт, зеленый лук, зелень петрушки, перец, сахар, соль - по вкусу.

Грибы нарезать ломтиками или маленькими кубиками, добавить нашинкованный лук, нарезанные дольками помидоры, тонкие ломтики огурца, измельченное яичное желтое яйцо. Все продукты уложить в салатницу, полить заправленным соусом, в который добавлен сок, вытекший при нарезании помидоров и огурцов. Все слегка перемешать.

Подавать к холодному столу. Можно также подавать к горячему картофелю и макаронам, использовать для приготовления бутербродов. В последнем случае соуса добавлять немного.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**ЕВРЕИ ТАК ЖЕ
НЕОБХОДИМЫ МИРУ,
КАК ВЕТРЫ.**

Талмуд-Таанит 36

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

ВАЛИТ

Зинаиду Григорьевну

МИТРОШИНУ

Веру Петровну

КОСОИ

Александра Моисеевича

ЛЕВИНА

Ефима Лейбовича

ХОРОША

Льва Кальмановича

КАЦА

Замуеля Гиршовича

**МАЗЛ ТОВ
И ДО СТА ДВАДЦАТИ!**